

Svetoslav Roerich.

my
P. Belikov.

П.Ф.Беликов

1

СВЯТОСЛАВ РЕРИХ
(жизнь и творчество)

I

Святослав Рерих родился 23 октября 1904 года в Петербурге. Его отец – Николай Константинович Рерих – всемирно известный художник, мыслитель и ученый – происходил из старинного скандинавского рода, осевшего на восточном побережье Балтики, невдалеке от замка Газенпот, построенного в тринадцатом веке рыцарями Тевтонского ордена. Эта часть Курляндии была местом частых войн и до того, как присоединиться к России, попеременно находилась в подчинении у Литвы, Швеции, Дании, Польши.

Представители рода Рерихов занимали видные военные и административные посты в России начиная с царствования Петра Великого. Братья прадеда Святослава служили в привилегированном Кавалергардском полку и участвовали в Отечественной войне 1812 года. Прадед, занимавший должность Курляндского губернского секретаря, умер через год после рождения Святослава, дожив до солидного возраста 104 лет. После прадеда осталась богатая библиотека с редкими изданиями. Дед Святослава имел обширные связи среди виднейших русских ученых, художников, общественных деятелей и принимал участие в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости. Из поколения в поколение передавался в семье рассказ о том, как один из предков – генерал в войсках Петра Великого – не побоялся навлечь на себя гнев императора за отказ уничтожить старинную церковь, прикрывавшую атаку неприятеля. Воинская доблесть и просвещение одинаково почитались в древнем роду Рерихов.

Мать Святослава Рериха – Елена Ивановна, урожденная Шапошникова, вспоминая свою родословную, писала: "Прадед моего отца приехал в Россию при Петре Великом. Во время посещения Петром Прибалтийского края, прадед состоял бургомистром города Риги и преподнес Петру великолепную шапку Мономаха, шитую драгоценными камнями и строченную бобром. Император остался доволен оказанным

ему приемом и пригласил прадеда приехать в Россию и принять русское подданство с новым именем Шапошникова, — намек на полученный дар. И тогда же император подарил прадеду свой походный кубок, вернее серебряную стопу с привинченной к её дну чернильницей. При стопе была и жалованная грамота".

Правнук этого первого Шапошникова — архитектор, академик Иван Иванович Шапошников — женился на Екатерине Васильевне Голенищевой-Кутузовой, внучатой племяннице героя Отечественной войны 1812 года фельдмаршала М.И.Кутузова. Двое детей от этого брака умерли рано. Рано умер и глава семьи, оставив вдову и дочь Елену, родившуюся в 1879 году. У матери Елены Ивановны было много влиятельных родственников, среди них наиболее близкая — старшая сестра, княгиня Евдокия Васильевна Путятина, по первому браку Митусова. Князь П.А.Путятин — археолог, коллекционер, один из руководителей Русского археологического общества — имел собственный особняк в Петербурге и большое имение под Бологим в Новгородской губернии. В дом Путятиных были вхожи ученые, художники, музыканты. Однако задавали тон в их гостиной придворные аристократы, высоких чинов военные, именитые и богатые землевладельцы и промышленники. В этом пестром окружении и прошли молодые годы Елены Ивановны. Она была красива, изящна, отличалась живым, любознательным характером. У умной и очаровательной девушки не было недостатка в поклонниках, и родные сулили ей "блестящую партию". Но судьбу её решила первая же встреча с Николаем Константиновичем Рерихом. Произошла она летом 1899 года, в имении князя Путятина, куда только что окончивший Академию художеств и университет, молодой художник и ученый приехал по делам, связанным с его археологическими изысканиями.

Среда, в которой протекала юность Елены Ивановны, с одной стороны, манила легкой и беззаботной жизнью, а с другой, открывала богатые возможности к приобретению разнообразных знаний. Елену

Ивановну с детских лет влекли к себе занятия литературой, музой, изобразительным искусством. Она много читала, интересовалась историей народа, к которому принадлежала, жизнью своих предков, прославивших Родину героическими подвигами, очень увлекалась философией, особенно мыслителями древности. Всё это сходилось с интересами и творческими замыслами Николая Константиновича. Молодые люди полюбили друг друга и сразу же нашли друг в друге то, что считали главным для совместной жизни. Однако складывалась она поначалу не так-то гладко. Родня Елены Ивановны не могла согласиться с её выбором. В их глазах, начинающий художник не шел ни в какое сравнение с более "выгодными" предложениями, от которых Елена Ивановна отказывалась. Мать Николая Константиновича тоже противилась раннему браку сына и собиралась выбрать ему жену по своему вкусу. В результате свадьба и совместная поездка за границу, уже решенные молодыми, не состоялись. Николай Константинович уехал один для продолжения художественного образования, и внезапная разлука стала серьезным испытанием для них обоих. Полнейшая неопределенность вселяла порой отчаяние. Николай Константинович писал Елене Ивановне из Парижа: "... я повис над пропастю - внизу темно и грозно - и держусь я за уступ одной рукой, а все мои присные расположились кругом меня в удобных позах и наслаждаются зрелищем: "удержится ли он?" Картина поучительная. Ты одна еще поддерживаешь меня, но тебя веселым хороводом рвут в сторону... неужели бросишь?"

Нет, Елена Ивановна не думала бросать и боролась за общее с Николаем Константиновичем будущее, так что у последнего был повод писать ей: "Помнишь слово: "будем вместе бороться"? Как я горжусь, что Ты подала мне руку именно на этом слове!".

Николай Константинович вернулся в Петербург осенью 1901 года, и его бракосочетание с Еленой Ивановной состоялось 28 октября. В августе 1902 года в семье Рерихов родился первенец, старший брат

Святослава - Юрий. Возрастная разница в два года была незначительной. Юрий и Святослав росли и воспитывались вместе, окруженные атмосферой славных семейных традиций и бывшей ключом творческой жизни родителей. Их всегда окружало множество интереснейших людей - ученых, писателей, художников, музыкантов, педагогов, общественных деятелей, военных. Из родственников наиболее близким был младший брат Николая Константиновича, впоследствии видный советский архитектор - Борис Константинович Рерих. Он жил вместе с бабушкой Юрия и Святослава - Марией Васильевной, урожденной Калашниковой. После смерти мужа в 1900 году, она поселилась в своем особнячке на Васильевском острове, поблизости от дома на Университетской набережной, где прожила с мужем большую часть жизни и где родился и вырос отец Юрия и Святослава. Много, много лет спустя Святослав Николаевич писал: "Я хорошо помню дом-особняк бабушки Марии Васильевны. Был обширный сад, через ограду виднелось большое здание какого-то училища. Дом был одноэтажный, вместительный. В столовой на стене висели чучела птиц, приготовленные Николаем Константиновичем, - трофеи его охот. Тоже несколько ранних работ, как-то: воин, перевязывающий руку, и другие. Еще жила охотничья собака Николая Константиновича Изварка - пойнтер, белый с черными пятнами. Ей было много лет".

Теперь этого, памятного для Святослава Николаевича, дома бабушки не существует. На его месте давно уже воздвигнут многоэтажный жилой дом.

Маленькими, Юрий и Святослав любили навещать бабушку и дядю Борю, который часто бывал у них и помогал в разных делах при отлучках отца. В доме бабушки царил патриархальный уклад жизни, уходивший корнями в древнюю Псковщину, откуда Мария Васильевна была родом. Бабушка часто рассказывала внукам о своих сородичах, о жизни в имении их деда "Извара" под Петербургом, о юношеских годах их отца. Его занятия в Академии художеств и университете, его охотничьи походы, археологические находки вокруг "Извары" - всё

это становилось близким и живым в увлекательных рассказах бабушки, до которых Юрий и Святослав были большими охотниками.

Близким другом Рерихов был Степан Степанович Митусов – сын тетки Елены Ивановны по первому браку. Он тесно сошелся с Николаем Константиновичем и чувствовал себя своим в его семье. Юрий и Святослав звали его "дядя Степа" и очень были к нему привязаны. Степан Степанович был музыкантом. В его доме Рерихи познакомились с известным композитором Игорем Стравинским, который много работал совместно с Митусовым над аранжировкой своих ранних произведений. Музыка занимала большое место в жизни Рерихов. Елена Ивановна прекрасно играла на пианино. Её тетка – Евдокия Васильевна, мать Степана Степановича Митусова – кончила Петербургскую консерваторию по классу пения. Бабушка Юрия и Святослава по матери – Екатерина Васильевна – любила вспоминать о знаменитом русском композиторе М.Мусоргском, который приходился родней Голенищевым-Кутузовым, часто гостил у них в имении, где иногда работал над своими музыкальными эскизами. Сам Николай Константинович много занимался оформлением театральных постановок, в том числе опер и балетов. В Школе Общества поощрения художеств им был организован хор, которым управлял С.С.Митусов. Музыка и пение постоянно раздавались под гостеприимным кровом Рерихов.

Среди двоюродных братьев и сестер Елены Ивановны были видные администраторы, военные, врачи, педагоги, лица духовного звания. Все они поддерживали знакомство с семьей Николая Константиновича и, в совокупности с его друзьями, – художниками, учеными, литераторами – составляли интересное окружение, которое не проходило бесследно для младшего поколения. Так, например, Юрий, рано увлекшийся историей Востока, мечтал в детстве также и о военной карьере, увлекался историей войн, изучал воинские уставы, собирал военную литературу.

Святослава с малых лет больше всего влекло занятие его отца и тянуло к бумаге, карандашам, краскам, глине для ваяния.

Однако этому сопутствовали и многие другие интересы, особенно в области природоведения. Тяга к познанию окружающей жизни была замечена за ним в самом раннем детстве. Елена Ивановна писала находившемуся в отъезде мужу: "Светкина любовь ко всему живому простирается и на дождевых червей, улиток и прочих мерзостей. Набрал этой гадости целую массу, все ведерки и банки заняты этой коллекцией, и не позволяет выбрасывать".

В 1906 году отец Святослава и Юрия возглавил Школу Общества поощрения художеств в Петербурге и поселился в директорской квартире принадлежащего этому обществу дома. В нем размещались выставочные залы, школьные и служебные помещения, студии. Квартира Рерихов находилась на втором этаже и выходила окнами на набережную Мойки. Центральную часть квартиры занимал просторный кабинет Николая Константиновича, сообщавшийся со служебными помещениями и разделенный длинным коридором и вестибюлем от жилых комнат, расположенных вдоль фасада. Из окон этих комнат открывался вид на заключенную в гранитные берега речку Мойку и на Мариинский дворец с частью обширной Исаакиевской площади.

Красота окружала Святослава и Юрия с первых шагов их жизни. Слово "прекрасно", пожалуй, наиболее часто раздавалось в семье Рерихов и навсегда заняло в богатом лексиконе Святослава Николаевича самое видное место. Николай Константинович и Елена Ивановна любили народное искусство, древности, старинную живопись, старинную мебель. Собрание картин Рерихов включало произведения известнейших мастеров живописи. Николай Константинович был одним из первых русских художников, обративших внимание общественности на ценность древнерусской иконописи. Старые иконы и картины родители Святослава и Юрия любили расчищать сами, и вызволенная из потемок красота отмечалась как большой семейный праздник.

С величественной красотой Петербурга, многократно воспетой поэтами и художниками, Святослав и Юрий соприкасались ежедневно.

Ведь жили они именно в той части города, где сосредоточены его самые знаменитые архитектурные ансамбли: Зимний дворец, Адмиралтейство, Сенатская площадь с памятником Петру Великому, Исаакиевский собор, набережная Невы с видом на Петропавловскую крепость, Академию наук, Академию художеств, Университет. Всё это находилось по соседству, воспитывало вкус, стимулировало детскую любознательность.

Но не только созданное человеческими руками оказывало на Юрия и Святослава свое влияние, приобщая их к прекрасному. Николай Константинович и Елена Ивановна проводили много времени среди природы и учили детей любить и понимать этот всеобщий первоисточник Красоты и Мудрости. Каждое лето Рерихи выезжали на несколько месяцев из города, причем предпочтение отдавалось уединенным местам в Псковской, Тверской, Новгородской губерниях. Зачастую выбор места зависел от археологических изысканий или творческих поездок Николая Константиновича. Иногда эти поездки уводили в Прибалтику, Финляндию или дальше в зарубежные страны. Так, первое лето своей жизни Святослав провел в местечке Березка бывшей Тверской губернии, невдалеке от Бологого, а на второе оказался с матерью и старшим братом в Швейцарии. Деловые поездки отца уводили его в Прагу, Венецию, Вену, Париж, Лондон. Находиться неотлучно с семьей он не мог и в каждом письме заботливо спрашивался о детях. Росли они живыми, любознательными и способными мальчиками. Елена Ивановна писала летом 1906 года из Швейцарии во Флоренцию, где проездом оказался Николай Константинович; "Мне ужасно обидно, что я не смогла взять франзуженку, Юрик начинает говорить, делает массу выражений и даже недурно выговаривает. Светка тоже выказывает большую способность во французском языке, говорит "ргамейн, пей, деш" и очень часто Юрика называет Юнька, а себя Зветочка".

Родители Святослава и Юрия, считаясь с их возрастом и наклонностями, рано стали вводить их в круг своих занятий и

интересов. Какому ребенку не хочется быть "как взрослые", чувствовать себя полезным членом семьи, если, конечно, это не связано с понуждением? Жизнь родителей Святослава и Юрия была для них в высшей степени заманчивой. Труд, заполнявший без остатка время взрослых, представлялся детям столь же радостным увлечением, как и их детские игры. Родители успешно достигали того, что обучение в школе, как и дополнительные внешкольные занятия, оборачивались для детей не утомительной подготовкой к маячившей где-то далеко "настоящей жизни", а полнокровной жизнью сегодняшнего дня, тесно связанной с занятиями отца и матери. Детская комната в просторной квартире Рерихов копировала рабочую студию Николая Константиновича. Полки с книгами, столы и этажерки, заставленные коллекциями минералов, жуков, бабочек, гербариями. Всё это собиралось, обрабатывалось, систематизировалось совместно детьми и родителями. Стены комнаты были увешаны рисунками, репродукциями, изображениями любимых героев. Ко всему, что заполняло детскую комнату, так или иначе прилагались их руки, по поводу каждого предмета дети могли рассказать что-то их занимавшее. "Готовое" или "безразличное" не поощрялось родителями и не загромождало детского кругозора своей чужеродностью. В каждой вещи Юрий и Святослав стремились обнаружить их смысл и связи с окружающим.

Когда в 1975 году Святослав Николаевич выступал в Ленинграде в Доме ученых, его попросили поделиться воспоминаниями о своем детстве. Среди прочего, он сказал: "Наш дом был полон и предметов искусства, и замечательных книг, и коллекций Николая Константиновича. Была замечательная коллекция каменного века. Мы все посильno, в том числе и я, помогали собирать эту коллекцию. В Новгородской губернии мы собирали скребки, копья. Всё это было неразрывной частью нашей жизни. Я даже сейчас хорошо помню все те орудия каменного века, которые Николай Константинович особенно любил, что его особенно интересовало. Кроме того, у него была

большая коллекция картин фламандско-нидерландской живописи. И, конечно, это всё очень влияло на нас, то-есть на моего брата и меня. Моя матушка, которая тоже была замечательной женщиной, женой, матерью, очень мудро с самого начала руководила нашей жизнью и следила за нашими интересами, за нашими порывами и чувствами, которые открывали ей направление наших интересов. Она никогда не настаивала ни на чем, никогда не старалась как-то убедить нас в чем-то, но она всегда ставила на нашем пути именно то, что нам было нужно. Мой брат с самых ранних лет интересовался историей, поэтому она бережно собирала для него книги, которые бы ему помогали, вместе с ним ходила по музеям, учреждениям, которые помогли бы его как-то направить.

У меня тоже рано пробудился интерес к естественным наукам. Я очень интересовался орнитологией, зоологией. Елена Ивановна собирала мне все книги, которые могла найти. Она покупала нам чучела птиц, собирала с нами коллекции насекомых. Кроме того, меня привлекали красивые камни, минералогия. Она помогала собирать уральские и другие камни. И у меня с детства образовалась большая коллекция, в которую вошли коллекции моего отца и его братьев, собранные ими в студенческие годы. Таким образом, наш маленький детский мир был насыщен большими и замечательными впечатлениями. Перед нашими глазами раскрывался богатый мир. Мы всегда присутствовали при разговорах Николая Константиновича и Елены Ивановны. Это имело большое влияние на нас. Елену Ивановну интересовала философия, у неё был широкий и глубокий взгляд на жизнь. Уже с самых ранних лет помню, что Николай Константинович и Елена Ивановна интересовались Индией. Кроме того, я с самых ранних лет занимался искусством, то-есть рисовал, лепил и для меня это было, быть может, самое существенное. Имея всегда перед собой живой пример Николая Константиновича, видя как он работал над картинами, постановками в театре, мозаиками и другими большими работами, мы воодушевлялись, это вызывало в нас какие-то внутренние запросы и интересы. Вот так проходили ранние годы моей жизни".

Лето 1907 года Рерихи были в Финляндии, 1908-го - в поселке Березка, а 1909-го - в Бологом. В 1910 году начало лета Рерихи провели в Гапсале, на берегу Балтийского моря, а затем поехали в Смоленск, где Николай Константинович проводил раскопки. В 1911 и 1912 годах жили под Смоленском в Талашкине; в 1913 году, когда сам Николай Константинович должен был пройти курс лечения на Кавказе, Елена Ивановна провела лето с детьми в Павловске под Петербургом. Летом 1914 года семья в полном сбое опять была в Талашкине, где Николай Константинович расписывал храм. Святославу шел тогда

десятый год и он не мало уже повидал на своем детском веку. Богатство впечатлений, рожденных красотой деревенских просторов, морских далей, северных озер и лесов, накапливалось и закреплялось в частых совместных с отцом, матерью и братом прогулках. Святослав и Юрий выходили на них с тетрадями для зарисовок, сачками для ловли бабочек и стрекоз, палками для гербарiev. Елена Ивановна с фотоаппаратом, Николай Константинович с мольбертом и красками. Первые уроки рисования с натуры Святославу посчастливилось получать не только в четырех стенах рисовального класса, но и среди яркой живой природы в сопутствии увлекательных рассказов отца и матери.

Елена Ивановна много фотографировала, и её снимки помещались в издания по истории искусств. Хорошо зная предмет, она обращала внимание детей на красоту древнего зодчества, ваяния, живописи. Белоснежные церквишки исконных русских земель, строгие готические шпили и суровые замки Прибалтики, разностильные, подчас причудливые строения барских усадеб – всё это обсуждалось с детьми, связывалось с историческими событиями и бытующими в окрестностях легендами, всё прочно входило в круг их понятий и формирующихся интересов. Так развивалась наблюдательность детей, выявлялись их наклонности, пробуждались творческие силы. Особое внимание обращалось на трудолюбие, постоянную занятость полезной деятельностью. Праздники в семье Рерихов отмечались не застольями и безделием, а особенно интересными, увлекательными походами, встречами, заданиями.

Когда Николай Константинович отлучался на продолжительные сроки, он переписывался не только с Еленой Ивановной, но обязательно и с сыновьями, которые с нетерпением ждали его писем и отвечали на них. Так Юрий писал из Павловска на Кавказ: "Милый папочка, как ты поживаешь? Вчера был у нас дядя Боря, я с ним играл в теннис, он нам поставил сетку. Мы были у Рыжиковых (тетка Елены Ивановны, в замужестве Рыжова. П.Б.). Дядя Илья (зять Л.Рыжовой, полковник И.Э.Муромцев. П.Б.) спрашивал меня о войне с турками и Наполеоном. Потом еще спрашивал формы русской армии. Я в некоторых наврал, зато он не знал формы русских солдат 12-го года... Напиши побольше. Целую тебя крепко. Твой Юрик Рерих".

Святослав, которому не было еще и девяти лет, не отставал в переписке от старшего брата: "Милый папочка, как ты поживаешь? Я собрал коллекцию камней из Славянки. Я нашел 20 камней. В Славянке я нашел перламутра кусочек, красное с черным, и какой-то камень черного цвета со слюдой, два кварца, по определению дяди Бори...", "Милый папочка, я пишу сейчас тебе письмо, а в нашем саду страшный ветер и гроза. Я сижу в детской. Мне очень интересно знать, кто это Чертиков? Мы сегодня поймали стрекозу, крылья у неё отливают

золотом, брюшко у неё отливает сине-зеленым и желто-зеленым. У нас есть большой огород, всё в нем распустилось. Не видно ли горах диких козлов? Какие жуки и камни? На моем огороде растут подсолнухи, редиска, укроп и картофель. У Юрика на огороде растет шпинат, лук, морковка, салат, японский газон, горох, картофель. Фрейлин тебе кланяется и желает поправиться. Твой Света". А вот еще более раннее письмо - шестилетнего Святослава: "Милый папа, прости, что я тебе не писал. Я не писал тебе потому, что я учусь полчаса по-немецки и час по-русски. Потом Оля приезжала и мы приходили в Талашкино. Мама купила щенка, а Коля принес ежей. У нас был сильный град и дождь вместе, и я собирал град. Очень большой шарик от града я хотел спрятать, но град растаял и образовалась вода".

Письма мальчика поражают острой наблюдательностью. В них уже можно узнать и будущего ученого-естественноиспытателя и будущего художника-колориста. Тончайшие оттенки красок точно различаются и фиксируются в памяти ребенка. Несколько сохранившихся рисунков пятилетнего Святослава подтверждают необыкновенно богатое "мировидение" мальчика. Такие же места из писем, как: "... мама поймала нам бабочку, её крылья в два вершка длины, а брюшко в два сантиметра ширины. Это ночная бабочка", - свидетельствуют о рано привитых навыках настоящей научной систематизации, научного подхода в изучении окружающей нас природы.

В мае 1913 года Святослав держал экзамен в приготовительный класс гимназии, о чем сохранилось следующее "Удостоверение": "Дано сие от С.Петербургской Гимназии К.Мая сыну художника СВЯТОСЛАВУ РЕРИХ, православного вероисповедания, родившемуся в 1904 году, в том, что он, Святослав Рерих, весною 1913 года подвергался вступительному экзамену в приготовительный класс означенной гимназии К.Мая, причем обнаружил следующие познания: в Законе Божьем 3, в Русском языке - 4, в Арифметике - 4. На основании указанных познаний означенный Святослав Рерих может быть с осени 1913 года принят в число учеников приготовительного класса С.Петербургской Гимназии К.Мая".

Судя по этому документу, в воспитании молодого поколения Рерихов законам человеческого познания отводилось больше места, нежели законоположениям "божеским".

Святославу исполнилось десять лет, когда разразилась первая мировая война. Объявление войны застало Рерихов под Смоленском, в имении М.К.Тенишевой Талашкино, где Николай Константинович заканчивал в апсиде церкви замечательную роспись "Царица Небесная на

берегу реки жизни". Святослав и Юрий любили наблюдать за работой отца, смотреть как готовят краски, как тщательно они подбираются и наносятся на загрунтованную стену. Монументальная композиция рождалась на глазах у детей, и они были свидетелями того, как сумрак церкви внезапно рассеялся в ее алтарной части, когда её освободили от лесов. Теперь уже не маленькие оконца, а расписанная их отцом стена стала источать переливчатый свет, и дети предвкушали торжественность того момента, когда им озарится вся церковь. Но этому чуду так и не суждено было свершиться. В один из пригожих летних дней, под гулкими сводами храма прозвучало роковое слово "война". По загруженной войсковыми составами железной дороге семья Рерихов, до окончания летних школьных каникул, вернулась в Петербург.

Война сразу же дала о себе знать в доме Николая Константиновича. Жизнь забила в нем еще интенсивнее. Сам глава семьи принял деятельное участие в работе Красного Креста, организовал художественные мастерские для обучения живописи и художественным ремеслам раненых воинов, предпринял первые попытки к созданию международной договоренности по охране культурных ценностей при военных столкновениях. Все это привлекало в дом много новых людей, вызывало горячие обсуждения, споры, догадки. И ко всему этому внимательно приглядывались и прислушивались Святослав и Юрий. Мир людей раздвигал перед ними границы, за которыми таились не только радости и красота, но и величайшие человеческие бедствия. Много противоречий вставало перед их неискушенным еще сознанием. Дети воспитывались в духе просвещенного патриотизма, любви к родине, гордости за ее трудовые и воинские подвиги. Их поездки с отцом и матерью по историческим местам, археологические находки, связанные с доблестным военным прошлым славянства, сама живопись отца, воспевавшая героизм, окружали родную страну ореолом могущества и непобедимости. Понятно, что и возникшая война рисовалась детям в блеске победоносных лавров. Но побед не было, привычные представления рушились, и сам патриотизм подчас повертывался бессмысленно дикарской, доселе неизвестной им стороной. По стране пробежала волна черносотенных погромов. Один из них затронул сферу деятельности Николая Константиновича. В 1915 году в Москве были разгромлены склады издательства Кнебеля только потому, что их владелец носил немецкую фамилию. Погибли находившиеся там около 200 оригинальных картин русских художников, уникальные клише, много рукописей. В связи с разгромом прекратился выпуск "Истории русского искусства", над созданием которой много лет работал И.Грабарь, сотрудничавший в этом деле с Н.К.Рерихом. Среди погибшего от погрома шовинистов

оказались и уже готовые к печатанию материалы для большой монографии о Н.К.Рерихе, которая так и не увидела свет.

Подобные безобразия, конечно, с возмущением встречались в прогрессивных кругах русской интеллигенции, и многие должны были переосмыслить священный для них лозунг: "патриот своего отечества". Нередко он служил ширмой самому оголтелому шовинизму и реакционизму.

Очень трудным во всех отношениях оказался для Рерихов 1915 год. Николай Константинович перенес весной тяжелое воспаление легких, за которым последовал ряд осложнений, сильно подорвавших его здоровье. Врачи усиленно посыпали художника на излечение в Крым или на Кавказ, но ему претила суэтная обстановка курортов, и семья уехала на лето в холмистый и озерный Валдайский край. Этот живописный уголок исконной русской земли полюбился Рерихам еще по прежним путешествиям и, несмотря на къ приближавшийся фронт, летом 1915 и 1916 годов они приезжали именно в эти глухие места на Валдае. Николай Константинович писал о них: "Причуды леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, синие, черные с желтым... Любой выбирай. Всё нетронуто. Ждет. Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями".

Можно представить, каким праздником были для детей летние каникулы, проводимые среди чарующей и умиротворяющей природы средней полосы России. В её окружении по-обобому звучали и запечатлялись в памяти рассказы родителей о подвижническом прошлом и славном будущем их страны, которое, вопреки всем времененным незадачам, обязательно наступит: "Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит, всё пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда, без смятений", - читал Николай Константинович в семейном кругу отрывки из своих валдайских записей, укрепляя в сыновьях любовь к Родине, веру в преуспеяние её народа.

Наглядные уроки великого учителя жизни - Природы - вносили высокий смысл в окружающее, давали детям почувствовать то неистребимо прекрасное, против чего бессильна человеческая злоба. А ею была пропитана обстановка военных лет. Искусственно раздуваемый шовинизм, жестокость, военный психоз, жажда обогащения, обман - всё это под тем или иным видом проникало в стены учебных заведений, будоражило молодые умы, сеяло раздоры, вызывало недоумения и растерянность.

Летние каникулы среди Валдайских лесов, полей и озер, особенно тесное и душевное общение с родителями оберегали впечатлительные

детские души от губительного недуга — смятения и неуверенности. По опыту собственных "побегов в природу" в молодости, Николай Константинович знал, что ничто так не уравновешивает душевное состояние, как умение черпать силы из её неистощимой "скрыни". Армония, обретаемая человеком в общении с природой, помогает находить нужные решения и во взаимоотношениях между людьми. Для Юрия и Святослава, вступавших в юношеский возраст, это было особенно необходимым. Дом их отца был местом встреч людей самых разных общественных направлений, философских и научных взглядов. Разговоры в квартире на Мойке подчас переходили в жаркую полемику. Сам Николай Константинович называл ее "кузницей мыслей". В горниле этой кузницы закалялись и клинки штыковой мысли его сыновей, с которыми обращались уже как со взрослыми. Отец и мать часто делились с ними воспоминаниями о годах своей юности. Рассказы Николая Константиновича об Академии художеств, университете, о своих первых шагах в искусстве и науке давали богатую пищу для сопоставлений с первыми сознательными шагами их молодой жизни. Юрий и Святослав обучались в той же гимназии Мая на Васильевском острове, которую окончил их отец, что само собой предполагало преемственность интересов и тем для разговоров. Юрий с пятнадцати лет увлекся Востоком и стал брать уроки у известных русских египтолога Б.А.Тураева и монголоведа А.Д.Руднева, хорошо знакомых Николаю Константиновичу по его научным изысканиям. Святослав внимательно прислушивался к художникам-педагогам, которые, пользуясь тем, что Школа Общества Попечения художеств и квартира ее директора находились под одной крышей, были завсегдатаями в семье Перихов. Некоторые из них давали поощрительные советы будущему художнику, подогревали его интерес к рисованию.

Громадное влияние на формирование характеров и духовного мира Юрия и Святослава оказывала их мать — Елена Ивановна. Николай Константинович писал о своей жене: "Вот в жизни проходит замечательный, великий женский облик. С малых лет девочка тайком уносит к себе тяжелое, огромное издание. Склоняясь под тяжестью непомерной ноши, она украдкою от больших уносит к себе сокровище, чтобы смотреть картины и, научась самоучкою, уже читать. Из тех же отцовских шкафов, не по времени рано, уносятся философские сочинения, и среди шумного, казалось бы развлекающего обихода, самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное миросозерцание. Правда, справедливость, постоянный поиск истины и любовь к творящему труду преображает всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, вся семья — всё строится под тем же благодатным началом. Все трудности и опасности переносятся под тем же несокрушимым

водительством... Такую неустанно-трудовую жизнь, в подвиге каждого дня, в доброжелательстве и строительстве нужно иметь перед собою всей молодежи".

Юрий и Святослав всегда старались следовать близкому и дорогому их сердцам примеру матери. Враг всякой несправедливости, косности, предвзятости, расхлябанности, Елена Ивановна растила в своей семье смелых строителей жизни. Она не терпела жалоб, слез, пустого времяпровождения. В ее отношении к сыновьям порой проскальзывала как бы суровость, но не было места потворству и сентиментальности. Елена Ивановна прививала сыновьям активное отношение к окружающему, стремилась сделать их полезными членами общества. Любовь к труду, трудовые навыки, ответственность за качество сделанного своими руками, своим измышлением в той или иной форме внедрялись в каждодневную жизнь и занятия молодого поколения Рерихов.

"Обеспечение и легкость есть величайшие препятствия на пути духовного роста, - писала впоследствии Елена Ивановна. - Молодость для того и дана, чтобы испытать все препятствия и на них закалить свой дух. Не об удобствах молодежи надо думать, но о лучшем вооружении ее к жизненной борьбе."

Приобретение знаний, дисциплина, ответственность не только за действия, но и за каждую свою мысль, каждое побуждение - всё это входило в понятие "вооружения к жизненной борьбе" и вместе с тем не было догмой или самоцелью. Нацеливалась молодежь на жизнь, которую во всех отношениях можно было бы назвать достойной человеческого звания и которая, в ходе закономерной эволюции, в первую очередь возвышала бы самого человека.

Между тем события текущей жизни рушили застоявшиеся устои, готовили небывалые в истории человечества потрясения, выдвигали новый авангарддвигающих эволюцию сил. В России не было человека, который не испытывался бы в эти годы на готовность принять назревшие перемены, не держал бы перед самим собой экзамена на право участия в коренном преустройстве общественной и государственной структуры. Николай Константинович приветствовал наступление новой эпохи, чувствовал необходимость коренных перемен, прислушивался к новым прогрессивным веяниям, хотя прямого отношения к политической деятельности никогда не имел.

Разруха, вызванная неспособностью отживающего режима к управлению страной и усугубленная военными неудачами, губительно оказывалась во всем. Непоправимый урон несли просвещение и культура. Николай Константинович не жалел сил, чтобы поддерживать на нужном уровне работу во вверенных его руководству культурно-просветительных учреждениях. Недостаток средств грозил закрытию Школы Общества поощрения художеств, однако Рерих, учитывая новые требования,

разрабатывал план преобразования ее в Народную Академию искусств. Научно-исследовательские работы Рериха в области археологии полностью свернулись, но у него уже созревали новые, далеко идущие намерения их развития в будущем. Будущее... Рерих всегда верил в него и, вернувшись осенью 1916 года с Валдая, писал: "Нынче летом на Валдае наехали мы на огромный ключ железный. Посреди луга стоит полная чаша живой воды. Никому не нужная по полю разбегается. Целебная, неотпитая чаша подле большого пути. Вся безгранична область русских богатств, все наше сокровище искусства, вся эта целебная чаша полна живой воды. Русь - неотпитая чаша."

Между тем здоровье Николая Константиновича вдруг резко ухудшилось. Врачи категорически потребовали удаления от дел и перемены климата. Чтобы не порывать всех деловых связей, Рерих решил переехать в соседнюю Карелию, которая славилась своими хвойными лесами и богатым озоном, целебным воздухом.

Так холодным и хмурым декабрьским днем 1916 года семья Рериха покинула Петроград. За окнами нетопленных по военному времени вагонов мелькали знакомые дачные пригороды. Путь лежал на северную окраину побережья Ладожского озера, в Сердоболь - живописный, окруженный лесом и студеными ладожскими водами, тихий городок. Рерихи уже раньше посещали Финляндию и Карелию. Николай Константинович изучал их исторические памятники, народное творчество, восхищался их суровой, бодрящей душу и тело северной природой. Все считали, что вынужденное пребывание в Сердоболе, вызванное состоянием здоровья главы семьи, продлится не так уж долго.

У двенадцатилетнего Святослава не могло даже мелькнуть мысли о том, что расстается он с родными местами, где прошло его счастливое детство, навсегда, что для всей их семьи начинается новый этап жизни. Его мысли все еще возвращались к школе, прерванным занятиям, оставленным в Петрограде друзьям. Но впереди уже расстилались перед ним неизведанные дороги, ждали его новые земли, города, люди, который он глубоко познает и полюбит. Однако даже в свои двенадцать лет Святослав Николаевич оказался достаточно зрелым для того, чтобы земля, где он родился, ее люди, родной язык и культура остались бы для него навсегда незабываемыми, чтобы судьбы Родины неразрывно оставались связанными с его собственной судьбой. Прикоснувшись в детские годы к "Неотпитой чаше - Руси", он на всю жизнь остался верен этому своему первому "принятию святых тайнств".

П

Первую, длительную поездку по Финляндии и Карелии Рерихи совершили в 1907 году. Лето этого года они проводили на даче под Выборгом. Святославу было тогда лишь три года и знал он о подробностях этого посещения Финляндии больше по позднейшим рассказам родителей. Ранней весной, положившись на местного финна-возницу, Николай Константинович и Елена Ивановна поехали санным путем через большое озеро ознакомиться с рекомендованным им местом и домом. Тронутый весенним солнцем лед на середине глубокого озера стал ломаться, и лишь в бешенном беге шустрая финская лошадка, погружаясь в воду и выкарабкиваясь из-под ледяных обломков, галопом вытянула их на берег, где собравшаяся толпа накинулась на безответственного возницу, знавшего, что уже несколько дней по озеру движение было закрыто. Среди семейных воспоминаний о пережитых опасностях сохранился и этот случай, описанный Николаем Константиновичем в очерке "Еще гибель".

Николай Константинович и Елена Ивановна объездили в 1907 году южную часть Финляндии до ее западных морских границ, плавали по шхерам Ботнического залива, побывали на известных финских водопадах, озерах, каналах. Многие места тогда запомнились им по своей неповторимой красоте. В очерке "Древнейшие финские храмы" Николай Константинович писал: "В горах бесконечных, в озерах неожиданных, в валунах мохнатых, в порогах каменистых живет прекрасная северная сказка".

Очарование этой сказки встретило юных Святослава и Юрия, когда декабрьским днем поезд доставил их на северную окраину Ладоги. Сортавала - чистенький и уютный городок, разделенный на две части рекой. С восточной стороны его омывают ладожские воды, скованные зимой льдом и укутанные белым покрывалом сверкающего под солнечными лучами снега. Там и сям видны разбросанные прибрежные острова с причудливыми выходами гранитных скал и каким-то чудом угнездившимися на них темнозелеными елями-великанами. Между островами открывается необъятная даль, незаметно переходящая у горизонта от белоснежной равнины к лазоревому небосводу.

На первое время Рерихи остановились в пустовавшей зимой гостинице. Сортавала (тогда Сердоболь) по административному делению относилась к Великому княжеству Финляндскому, входившему

в состав Российской империи. Город граничил с русской территорией Карелии, имел железнодорожное и пароходное сообщение с Петербургом и теснее всего был связан именно с тогдашней русской столицей. В городе проживало много русских, русским языком владела вся местная интеллигенция, некоторые преподаватели здешнего лицея и учительской семинарии были выпускниками петербургских высших учебных заведений, так что языкового барьера здесь не ощущалось, и для Юрия и Святослава без затруднений удалось найти опытных педагогов, которые смогли продолжить их образование в объеме гимназического курса.

К весне Рерихи решили выехать за город. В течение зимы Юрий и Святослав хорошо изучили в лыжных походах окрестности Сортавалы. Побывали они на ближайших ладожских островках, исследовали извилистое побережье со множеством проливов. Особенно живописным, с широким видом на открытое озеро оказался берег к югу от Сортавалы у бухты "Юхинлахти", что в переводе с финского означало "Бухта единения".

Здесь, невдалеке от озера стоял уютный дом, окруженный плотной оградой из колючего шиповника. Принадлежал он ректору семинарии Реландеру. Владелец оставался на лето в Сортавале и охотно сдал этот дом в аренду Рерихам.

Здоровье Николая Константиновича в продолжении всего 1917 года отличалось неустойчивостью и резко менялось то в ту, то в другую сторону, так что врачи намекали даже на возможность рокового исхода при внезапных и острых приступах ползучей пневмонии. Хотя размежеванная спокойная жизнь вдали от большого города и чистый воздух Карелии постепенно оказывали целебное действие, однако на всякий случай Николай Константинович считал нужным составить завещание, в котором среди прочего было записано: "Всё, чем владею, всё, что имею получить, завещаю жене моей Елене Ивановне Рерих. Тогда, когда она найдет нужным, она оставит в равноценных частях нашим сыновьям Юрию и Святославу. Пусть живут дружно и трудятся на пользу Родины".

Родина, неотъемлемая причастность к ней, судьбы ее народов – это то, что никогда не забывалось Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной, что служило им ориентиром в самых трудных жизненных обстоятельствах и верность чему они завещали своим сыновьям.

Весь 1917 год и в начале 1918 года Рерих в меру своих сил поддерживал сношения с Петроградом и, когда позволяло здоровье, на короткое время выезжал туда по делам. Многие сотрудники по Школе Общества поощрения художеств, знакомые и друзья навещали Рериков в Сортавале. Не прекращалась также и интенсивная

переписка. Положение в корне изменилось с мая 1918 года, когда в Финляндии, при участии германских вооруженных сил был установлен реакционный режим, порвавший дипломатические отношения с Советской Россией. Именно вследствие этого семья Рериха неожиданно оказалась отрезанной от дома новой государственной границей. Настроение в самой Финляндии складывалось не особенно благоприятно для русского населения. В пограничных районах стали насаждаться шовинистические и антисоветские тенденции. Ходили слухи о возможности выселения всех русских. Николай Константинович писал известному финскому художнику А. Галлену, с которым подружился еще в 1907 году: "... Вот пожалуйста: известная личность, известное имя и общественное положение и высылка только по причине национальности. Такого не случалось никогда ни в одной стране. Когда мне сообщили эту новость, я засмеялся. Но только что я получил письмо от одного человека, которому доверяю. Этот человек советует мне запастись рекомендательными письмами. Я сразу же подумал о тебе. Твое имя нам поможет."

Осень 1917 и зиму 1918 гг. Рерихи провели в Сортавале, чтобы Юрий и Святослав могли бы продолжать учебу, а к весне семья перебралась на остров Тулолонсаари, где и оставалась до осени 1918 г.

Тулолонсаари – малонаселенный островок был отделен от Сортавальского побережья широким проливом. Часть острова использовалась под покосы и выгоны, часть была покрыта лесом, а в северной его части велись разработки гранита, который шел в Петербург на строительство и памятники.

Невдалеке от этих каменоломен, на возвышенном месте стоял обширный, крепко сколоченный дом, построенный русским выборгским купцом Бариновым. В нем Рерихи и поселились. Святославу Николаевичу было 12 лет, когда он попал в Карелию, и 15, когда вся семья покинула ее. Однако по развитию он много опережал свой возраст. Способность быстро все схватывать в значительной мере стимулировалась еще и тем, что рос он вместе с братом, который был двумя годами старше его. Многие занятия Юрий и Святослав проводили вместе, совместно изучали иностранные языки, совместно читали и обсуждали прочитанное, на равных началах распределялся и их домашний режим. В Карелии родители уже не считались с возрастной разницей сыновей и она сошла на нет.

Святослав Николаевич с детства отличался замечательной памятью. По прошествии более пятидесяти лет он отлично помнил многие обстоятельства своей карельской юности, людей, с которыми приходилось там встречаться, места, которые там посещались. Так в 1975 году он писал: "Из Юхинлахти часто ездили по шхерам,

особенно нравился Николаю Константиновичу Карнесаари (саари - в переводе с финского - остров. П.Б.), и он там писал несколько этюдов и воспользовался скалами для картины "Столпник". Вы правы, на Тулола (местное сокращенное название Туллонсаари. П.Б.) дом стоял на возвышении, на северо-западной стороне острова, недалеко от пристани... На север от острова были причудливые заливы Кирьява лахти, куда мы ездили на катерах. Остров был полон дичи. Тетерева, вальдшнепы, трудно представить себе такое изобилие всякой птицы. Сам дом был большой, с мезонином, с большими комнатами, меня особенно поражали доски полов - совсем невиданной ширины. Ездили на Валаам, посещали скиты на островах, особенно меня поразили схимники. Раз в год они собирались в подземном храме у раки преподобных Сергия и Германа для службы. На юг от Сердоболя, по дороге в Юхинлахти было Валаамское подворье, около ореха, насколько помню, звали Хюмпола. Николай Константинович писал много этюдов".

В Карелии Святослав Николаевич получил возможность больше находиться при отце и наблюдать его рабочие методы. Николай Константинович приучал сына к составлению красок, наглядно раскрывал секреты их особого "звучания" на полотне, давал уроки рисунка, композиции. Студия большого мастера кисти и опытного педагога послужила первой профессиональной школой молодому таланту. Сразу же была подмечена склонность Святослава к портрету. Именно здесь, всего тринадцати лет от роду он создал два портрета отца в угле и один маслом на деревянной доске. Любопытно отметить, что к карельскому периоду относятся и многие работы по дереву самого Николая Константиновича. Возможно, что это было вызвано недостатком холста в военное время. Тем более это характеризует творческий потенциал Рериха, находивший себе выход в любых условиях.

Один из учеников Рериха по Школе Общества поощрения художеств в своих воспоминаниях писал: "Его метод преподавания был предельно прост: определял тему и формат эскиза, рассказывал в нескольких словах, какие фигуры и как следует расположить (Н.Рерих вел класс композиции. П.Б.), добавляя при этом, что так сделал бы он сам, но каждый может делать так, как ему больше нравится. На изготовление эскиза давал неделю времени. При просмотре все эскизы развесивались на стене и каждый из них он подвергал основательному разбору".

Верный своим взглядам на свободное выявление индивидуальных творческих особенностей каждого ученика, Николай Константинович был очень чуток и в отношении своего сына. Он внимательно следил, чтобы тот не увлекся слепым подражательством, и, наряду с

изобразительным искусством, усердно поощрял другие интересы мальчика, открывая перед ним широкое поле действия для развития всех его увлечений и способностей.

По сравнению с Карелией, прежние выезды из города на несколько месяцев в летние каникулы оказались для Юрия и Святослава хотя и очень поучительными, но лишь подготовительными классами к настоящему постижению матери-природы. С природой нужно сжиться, чтобы навсегда впитать в себя ее ритмы, войти в круговорот ее чудесных превращений, познать глубину ее таинств и сродниться с нею. Нужны годы для того, чтобы почувствовать гармонию в бесконечном разнообразии природы, найти в ней свое место, свое, завоеванное в трудах, право отражать в человеческом "я" великий смысл необъятного Бытия. И все это необходимо сделать смолоду, ибо с годами притупляется острота восприятия и ощущение общности человека со всем живым может потеряться или даже вообще не возникнуть. Святослав Николаевич навсегда проникся к Карелии благодарностью за то, что она помогла ему развить необходимое для каждого подлинного творца чувство единства со всем Сущим.

Запомнилась ему Карелия еще и потому, что под ее небосводом, среди ее суровых гранитов и необъятных водных горизонтов он подошел к важнейшему порогу жизни, за которым совокупность усвоенных знаний и заговоривших в полный голос чувств складывается в определенное мировоззрение, которое начинает оказывать решающее влияние на поведение и творческие устремления человека.

Елена Ивановна и Николай Константинович, вводя сыновей в сложный мир идей, оберегали Юрия и Святослава от подчинения мертвым догматическим концепциям, сковывающим свободное восприятие действительности. Цельное и вместе с тем лишенное каких-либо предубеждений мировоззрение родителей органично передавалось сыновьям в ежедневных занятиях тесного семейного круга, который в силу сложившихся обстоятельств замкнулся в самом себе. Временная изоляция от внешнего мира подчас приводит и к отрицательным последствиям, однако для Юрия и Святослава сыграла хорошую роль. До того, как вступить в мир взрослых, насыщенный отвлекающей суетой и противоречиями, они усвоили не только широкие философские взгляды родителей, но и их дисциплинированный образ жизни. Причем эта дисциплина покоялась не на подчинении раз и навсегда установленным нормам, а свободно вытекала из внутренних убеждений, связующих в единый последовательный ряд сознание и поступок. Такая последовательность достигается в систематической работе над самим собой, в приобретении навыков "ухода в себя". Лишь в моменты беспристрастного

предстояния перед самим собой человек становится судьей своих дел и помышлений и одновременно главным свидетелем, от показаний которого зависит справедливость вынесенного себе же приговора. Не терять самого себя в бурном потоке жизни, спрашивать с самого себя по всей строгости способен только тот, кто не боится оставаться с самим собой наедине, кто умеет в самом себе черпать силы для самопризнаний и исправлений своих ошибок.

Величественная и суровая природа Карелии много способствовала развитию ничем не заменимого в творческом процессе самоуглубления. Без умения сосредотачиваться творческая работоспособность легко уязвима со стороны разных приводящих обстоятельств. Когда Николая Константиновича как-то спросили о лучших условиях для работы, он ответил: "Не плохо на пароходике через Неву, не худо в трамвае или поезде. Движение дает даже какой-то ритм". Подчинять внешнюю обстановку творческому процессу, а не наоборот, — трудная наука. Юрий и Святослав усвоили ее в тесном общении с родителями и с юных лет у них не было пустой "выжидательной" тряты времени, в каких бы условиях они не оказывались. Внутренняя собранность, сосредоточенность, обостряющая внимание и укрепляющая работоспособность совершенно естественно передались от родителей младшему поколению Рерихов.

Для самого Николая Константиновича карельское уединение, несмотря на болезнь и вынужденное сидение на месте, проходило в интенсивной подготовке и в накоплении новых сил к предстоящим жизненным сражениям. По своей натуре он был воином и ни мало не собирался оградить себя броней отшельничества. Также и своих сыновей он хотел видеть борцами, дерзающими лучшего будущего человечеству, а не "нищими духом" смиренниками. Родительским напутствием звучат строки из стихотворения Николая Константиновича, написанного им в Карелии:

"Не беги от волны, милый мальчик.
Побежишь — разобьет, опрокинет.
Но к волне обернись, наклонися
И прими ее твердой душой".

На острове Тулонсаари Рерих создал аллегорическую повесть "Письмо", во многом построенную на автобиографическом материале. В повести нашли отражение некоторые заветные мечты автора, яркие особенности его творческого кредо, подводилась какая-то черта под прожитым и намечались перспективы на будущее. В работе над повестью использовались дневниковые заметки с оценками конкретных событий и людей. Обсуждая все это в семейном кругу, Николай Константинович делился с сыновьями нажитым опытом, приобщал их к

своим планам на отдаленное будущее и к первоочередным задачам. Среди последних главное место отводилось Индии, посещение которой было давно задумано и отложено из-за войны. Культурное сближение народов Востока и России, как в историческом прошлом, так в настоящем и будущем, было основной проблемой, занимавшей Рериха-ученого, мыслителя и общественного деятеля. Первая мировая война истощала себя, и давнее намерение поехать в Индию стало обретать реальные формы. В дневниковой записи Николая Константиновича от 26 октября 1917 года имеются строки: "Делаю земной поклон Учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый". Встречаются также записи с ссылками на Тагора. Литературная аллегория "Пламя" заканчивается цитатой из священной для каждого индуиста книги "Бхагавадгиты": "Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будут побуждением твоим плоды деятельности. Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным".

Судя по некоторым картинам, литературным произведениям и отрывкам из дневника, мысль о том, что поездка в Индию не должна больше откладываться, окончательно созрела у Рериха в Карелии к концу 1918 года. Можно себе представить, с каким восторгом встречали юные Юрий и Святослав каждое слово о предстоящем путешествии. Напомним, что еще в Петрограде Юрий приступил к изучению восточных языков. Искусство народов Востока, истории их культуры, их тысячелетней давности философская мысль были предметами, к которым Елена Ивановна и Николай Константинович систематически направляли внимание своих сыновей. Книги индийских писателей, поэтов, мыслителей чаще всего перекочевывали с полок старшего поколения Рерихов к младшему. При этом, как и всегда, родители заботились о том, чтобы мировоззрение их сыновей оставалось свободным от казуистических догм, а их нравственные опоры независимыми от враждующих друг с другом "радетелей душ человеческих". Елена Ивановна впоследствии писала: "Я всегда держалась довольно далеко от церкви и ее представителей именно из-за желания охранить в своих сыновьях уважение к своей религии до тех пор, пока сознание их достаточно окрепнет, и они ужевполне зрело могут оценить все то прекрасное, что заключено в ней, и в то же время спокойно смотреть на отрицательные проявления ее...".

Так и в изучении восточной религиозной литературы решительно отвергалось все то, что могло бы сковать Юрия и Святослава путами

ортодоксальных институтов индуизма, буддизма, поклонников Заратустра или Магомета, хотя в своем увлечении Востоком они углублялись во многие детали этих религиозных систем. Вера в людей и уважение к их убеждениям сопровождались у Юрия и Святослава полной свободой поиска, воспринятой ими с юности от родителей.

К концу 1918 года в здоровье Николая Константиновича наступил перелом к лучшему и он с удвоенной энергией взялся за осуществление намеченных планов. Торопило его и то, что Юрию и Святославу необходимо было продолжать образование уже в том объёме, которого маленькая Сортавала обеспечить не могла. Поэтому на первый случай семья выехала в ближайший крупный финский город Выборг. Оттуда Николай Константинович смог заняться проблемами устройства своих выставок. Открылась возможность выступить с ними в столице Финляндии - Хельсинки и в Швеции. Выставка в Стокгольме открылась в ноябре 1918 года. Имя Николая Константиновича Рериха, широко известное не только в России, но и во многих европейских странах, опять запестрело на страницах европейской прессы.

После закрытия государственной границы между Финляндией и Советским Союзом сведения о Рерихе на его родину поступали очень скучно. Распространился даже слух о его гибели в ... далекой Сибири. Осеню 1918 года известный советский поэт Николай Асеев, находившийся тогда на Дальнем Востоке, выступил со стихотворением, посвященным памяти якобы погибшего Н.К.Рериха. В стихотворении были строки:

Тому, кто шел на безымянный берег,
В могилу клали мечь копье и лук.
Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих,
Последний, может, рюриковский внук?

...

Но верим мы: пройдут года, и ты, чей
Упорный взор испепелял века,
Восставиши старый, пламенный обычай -
Ладью времен вернет твоя рука.

Не нашим поколением, быть может,
Грядущими исполнен будет он:
Зажгут костер, тебя на щит возложат
И понесут весной на горный склон.

Промчаться снова кругом лета, зимы...
О юноши, взгляните же назад:
Князь на костре горит неугасимо,
И пламя, пламя шлещется в глаза!

И вот через месяц после публикации стихотворения Н.Асеева пришло известие, что отнюдь не "на щите", а "со щитом" русский художник Николай Константинович Рерих продолжает свое шествие по лицу земли с призывным знаменем Красоты и Человеческого Подвига. Его выставки в Хельсинки и Стокгольме, тогда оживленном центре европейской дипломатии, прошли с большим успехом. Рериха приглашали провести турне выставок по другим европейским странам. Однако Николая Константиновича больше всего устраивало предложение приехать в Лондон для участия в театральных постановках. Оно исходило от известного английского театрального деятеля Т.Бичама и прославившегося в Европе русского постановщика С.Дягилева. Париж и Лондон в свое время с восторгом встречали рериховское художественное оформление русских спектаклей. Считаясь с тем, что разрешение на посещение Индии нужно было расхлопотать у английских властей, Николай Константинович принял именно предложение Т.Бичама. Так весной 1919 года Рерихи распрощались с Финляндией и через Скандинавию направились к Британским берегам.

И вот, наконец, Лондон — совершенно новый для юных Юрия и Святослава мир. Вообще-то жизнь большого города была им не в диво. Выросли они в Петербурге. Однако там был дом, было все свое: привычный с детства уклад, родной язык, близкие люди. Здесь же все не только чужое, но и чуждое, ко всему нужно было заново приспособливаться.

Усвоенные в Карелии навыки регулярной сосредоточенной работы помогли Юрию и Святославу безболезненно совершить кругой переход от почти полного безлюдия к многолюдному круговороту жизни одного из самых больших городов мира. Семья Рериха всегда была "многоязычной", так что в отношении английского языка затруднений не создалось. Сложнее было с включением в английский "образ жизни", специфики которого сказывалась во многих мелочах. Впрочем, уступая мелочам быта, Рерихи никогда и нигде не уступали главному и не меняли трудовой режим своего жизненного уклада.

В Лондоне Николай Константинович сразу же приступил к исполнению театральных заказов и начал готовить персональную выставку. Открылась она в мае 1920 года в "Гуппил галери". Выставка вызвала много новых предложений и заказов. Завязались обширные знакомства в научных и культурных кругах Великобритании. Началась подготовка к проведению научно-исследовательской работы в странах Азии.

Поселились Рерихи в доме № 25 по улице Квинсгеттеррас, около Гайд-парка, в красивом жилом районе Лондона Кенингстоне. Здесь же находилась и студия Николая Константиновича, в которой вскоре

посетил его Рабиндранатх Тагор. В "Листах дневника" Рерих вспоминает: "Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгеттерасс в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно "Сны Востока". Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца".

Первая встреча с посланником великой культуры древней Индии, о котором Юрий и Святослав были уже многое наслышали, оставила на сыновей Рериха глубокое впечатление. Мысли об Индии стали все больше и больше овладевать ими. Между тем, в первую очередь требовалось решать вопросы дальнейшего образования.

Юрий стал и далее специализироваться по Востоку и поступил на индо-иранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете.

Относительно Святослава можно было предполагать, что с его талантом и уже приобретенными навыками в живописи он и далее будет совершенствоваться в ней. Однако случилось по-иному. Он поступил на архитектурный курс и серьезно занялся строительным искусством. Родители не противились такому повороту дела, хотя и полагали, что их младший сын обязательно вернется к кисти и палитре. Возможно, что во временном отходе от них усматривалась даже некоторая закономерность — Святослав наследовал свойственную его отцу творческую многогранность.

Из лондонских встреч нельзя не упомянуть знакомство Рерихов с Владимиром Анатольевичем Шибаевым, в будущем — секретарем учрежденного в Гималаях Рерихами научно-исследовательского института "Урусвати". Шибаев был на четыре года старше Юрия и на шесть — Святослава. Он уже давно жил в Лондоне, смыкся с английскими обычаями, свободно владел английским и русским языками, проявлял больший интерес к литературе, искусству и философии Востока. Шибаев вспоминал: "Случайно Николай Константинович Рерих зашел в издательство на Флийт стрит, где я тогда работал, чтобы получить справку о возможности срочно переписать на русской машинке его новый сборник стихов "Цветы Мории". Я рад был это сделать сам. Меня сразу же привлекло к Рериху как к мыслителю-писателю и я, конечно, с величайшим удовольствием принял его любезное приглашение посетить его выставку. Его картин я раньше не видел. Я был до такой степени пленен как его искусством красок, так и широтой и глубиной мысли, что решил всем сердцем посвятить себя его работе и потому радостно принял последовавшее немного позже предложение поехать с ним и его

семьей в Индию, куда он по приглашению великого индийского поэта Рабинранатха Тагора намеревался вскоре выехать. С моим знанием английского языка я должен был присоединиться к ним в качестве личного секретаря".

Заслуживает внимание и следующее описание Шибаева его первого визита на квартиру Рерихов: "Живо помню, как, прия туда вечером, я был встречен с такой любезностью и радушием, как могут в мире встречать лишь русские и, может быть, индусы. Елена Ивановна по этой встрече так и осталась у меня в памяти навсегда - светлая, радостная, сияющая; она вышла мне навстречу, протянув обе руки, с улыбкою приветствия. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич занимались тогда в Лондонском университете, и у нас тут же сложилась глубокая дружба, сохранившаяся до последних писем Юрия из Москвы и тепрешней переписки со Святославом в Индии... Вернулся я домой после первого посещения Рерихов только к полуночи. Время так было занято интересной беседой, что я и не заметил, что мы ведь не ужинали, даже не пили чай. Очевидно, предполагалось, что я пообедал раньше дома до восьми. И так это было далее при других приглашениях. Только позднее я понял мудрость этого - ведь у нас всех таким образом сохранялась сосредоточенность в беседе, которая прервалась бы отвлечением на еду. Это, между прочим, характерная черта Рериха: твердо выработав план и цель действия (будь то картина, статья для журнала, деловая встреча, разработка проекта учреждения), он не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, чтобы, как он говорил, не нарушать "прямизны полета стрелы" и чтобы не страдала "монолитность действия"."

Николай Константинович не собирался задерживаться в Англии на долгое время и усиленно готовился к выезду в Индию. Однако, в силу многих привходящих обстоятельств, эта первая попытка попасть туда не удалась. Поэтому, получив приглашение от директора Чикагского института искусств Р.Б.Харше выступить с выставочным турне по тридцати городам США, Николай Константинович принял его и в октябре 1920 года оказался с семьей в Америке.

Через два месяца в Нью-Йорке, в галерее Кингор состоялсяvernissаж выставки русского художника. Ей сопутствовал невиданный в США успех. В первый же день число посетителей подошло к десяти тысячам. На vernissаже Рериху была представлена Зинаида Григорьевна Фосдик (Лихтман) - в будущем американский сотрудник и большой друг всей его семьи. О своем первом посещении Рерихов З.Фосдик вспоминает: "Когда я вошла в большую студию и была принята с тем чудесным радушием, естественно свойственным русскому характеру, меня ожидало много других, не менее изумительных сюрпризов. Этот великий человек

и его жена приняли меня, как будто они давно меня знали! Более того, они начали мне рассказывать о своих планах на будущее, в то же время проявляя глубокий интерес к моей музыкальной и педагогической деятельности. И, что поразительно — наши пути должны были сойтись. Труд несения искусства и знания среди молодежи Америки должен был связать меня теснее с ними".

Кроме своей обычной художественной работы, Николай Константинович развернул в Америке широкую общественно-культурную и научно-педагогическую деятельность. По инициативе и при прямом участии Рериха, в США вскоре возникли такие крупные культурные организации, как: "Мастер институт объединенных искусств", объединение американских художников "Союз Американских художников", Международный центр искусств "Союза Мира". Вокруг них сошлись многие известные американские художники, музыканты, ученые, писатели, деятели культуры и просвещения, что в свою очередь привлекло много молодежи. Пребывание Рериха в Америке вызвало в США значительный подъем интереса к искусству и гуманитарным наукам. Уже после того, как Николай Константинович с семьей покинул Американский континент, в Нью-Йорке был создан музей имени Рериха, плодотворная художественно-просветительская деятельность которого продолжается до нашего времени.

Приехав из Лондона, Юрий и Святослав продолжали свое образование в США. Юрий в Гарвардском университете, который был закончен им в 1922 году со степенью бакалавра по отделению индийской филологии. После этого он на время расстался с семьей, чтобы пополнить свои знания в Парижском университете, в школе Восточных языков при Сорbonne — тогда крупнейшем центре европейского востоковедения.

Святослав, сдав экстерном экзамены за два курса, поступил на архитектурное отделение Колумбийского университета в Нью-Йорке, и вскоре оттуда перешел на аспирантуру в Гарвардский университет. Гарвардский университет расположен в пригороде Бостона — Кембридже. Это позволило Святославу Николаевичу одновременно заниматься и в скульптурном отделении расположенного в Бостоне Массачусетского университета. В Бостонском Музее изящных искусств собрана одна из богатейших в США коллекций скульптуры, что много помогло углублению и расширению знаний Святослава Николаевича в этой области изобразительного искусства. Как большой знаток скульптуры, он в дальнейшем часто привлекался к различным консультациям и экспертизам.

Серьезно увлекся Святослав Николаевич в начале двадцатых годов также и графикой. Его графические работы на сказочные сюжеты,

исполненные черной тушью на бумаге, были представлены в 1922 году на выставке зарубежного русского искусства и получили высокую оценку со стороны американской художественной критики. Четкость, легкость и изящество рисунка навсегда остались характерной чертой живописи Святослава Рериха. Краска и линия не вступают у него в противоборство, а гармонично сливаются в одно целое.

Святослав Николаевич, как и его отец, отдал в свое время дань и театру. Он помогал Николаю Константиновичу в США в работе над художественным оформлением оперы "Снегурочка", так же как и в Лондоне для некоторых постановок в "Ковент Гарден". В Бостоне Святослав Николаевич вошел в группу талантливой новаторской театральной молодежи и осуществил с Д.Хёллом (соучеником по Гарварду, в дальнейшем известным американским детским писателем) самостоятельную постановку балета. Музыку к нему написал композитор А.Штейнберг, танцевали популярные тогда в США танцовщицы сестры Брагнотти. Работы Святослава Рериха для театра были замечены. Адольф Больм, много лет гастролировавший с Анной Павловой и принимавший участие в труппе Дягилева, с 1916 года жил в США, где и создал балетную труппу "Балет Инди". Именно из этой труппы вышла знаменитая впоследствии прима-балерина лондонской оперы "Ковент-Гарден" Руфь Пейдж. Святослав Николаевич был приглашен Больмом для совместной работы и особенно много занимался созданием костюмов для спектаклей с участием Р.Пейдж. Эти рисунки она использовала и в созданной ею собственной труппе балета в Чикаго.

Сближение с театральными кругами Америки нашло отражение в портретном творчестве Святослава Рериха. Им были написаны портреты известной танцовщицы Альбертины Витак, танцора Честера Хейла (1923) и др. В Нью-Йорке Рерихов посещали проживавшие в США композиторы С.В. Ахманинов и Сергей Прокофьев, создававший тогда музыку для оперы "Любовь к трём апельсинам". Елена Ивановна очень ценила Прокофьева, и тот часто играл у Рерихов свои новые вещи, делился с ними своими творческими планами.

Архитектура, живопись, скульптура, театр, музыка, активное участие в работе культурно-просветительных учреждений, встречи с учеными, писателями, общественными деятелями – не много ли для молодого человека восемнадцати лет от роду? Не наблюдалось ли в этом разбросанности, неуверенного поиска своего пути? Нет, нимало. Скорее здесь можно было усмотреть преемственность семейной традиции. Отец Святослава в молодые годы также одновременно изучал живопись и юриспруденцию, занимался археологией и литературой, когда же ему предложили еще должность помощника директора Музея искусств и редактора искусствоведческого журнала, то он, на всякий случай,

обратился к своему учителю А.Куинджи с вопросом – не повредит ли все это живописи? Знаменитый русский художник, хорошо знавший своего ученика, ответил: "Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому всеравно картин не писать".

Святослав Николаевич придерживался такого же мнения и, не изменяя своему основному призванию, стремился к тому максимальному пределу реализации человеческих возможностей, живым примером которого являлись для него родители. Через много, много лет он напишет: "Истоки моего искусства нераздельно связаны с Николаем Константиновичем. Он всегда поощрял то, что ему казалось привлекало меня. Меня всегда привлекал портрет человека. С самых ранних лет я любил портрет и человеческую фигуру. К сожалению, мои самые ранние работы не сохранились. Есть маленький автопортрет, когда мне было пятнадцать лет. Я всегда любил скульптуру и одно время много работал и учился скульптуре. Но, конечно, основные связи моего подхода к жизни и, в частности, к искусству неразделимо связаны с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной. Сотрудничество с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной было редчайшей комбинацией полнозвучного звучания на всех планах".

Многоплановость интересов и творческих проявлений Святослава Николаевича – своего рода запрограммированный семейный кодекс Рерихов, нашедший в нем естественного продолжателя.

Лето 1922 года Николай Константинович и Елена Ивановна проводили на острове Монхеган, у Атлантического побережья Америки, где художник создал знаменитую серию картин ". Из Монхегана Николай Константинович писал В.Шибаеву в Европу: "Юрик уже в Париже. Светик, видимо, отходит от архитектуры и идет в искусство. Сегодня мы его ждем из Нью-Йорка. Сидим на островке – сущая Финляндия. Те же скалы, и хвоя, и прохлада".

Николай Константинович был прав. Живопись, не вытесняя, а обогащаясь побочными получаемыми знаниями и опытом, занимала главные позиции в многогранных творческих направлениях его младшего сына. Весной 1923 года, на выставке в Филадельфии его произведения были отмечены первой премией. Однако, думается, что Святославу Николаевичу Рериху входить в искусство было много труднее, чем его отцу. И особенно на первых шагах в Америке. Николай Константинович начал с хорошо освоенной, до конца прочувствованной собственной темы, для которой родная земля предложила ему непочатый край интереснейшей природы. С раннего детства он сближался с нею и проникся психологией народа, среди которого жил и для которого творил. Короче говоря, у старшего Рериха была в начале творческого пути твердая почва под ногами, в том числе и "визуальная",

Что для художника особенно существенно. Оказавшись вне России, младший Рерих был лишен этой почвы. Ни Быглия, Ни Америка ничего сколько-то равноценного или заменимого предоставить ему не могли. Ведь даже портретисту необходимо "видеть" ту землю, по которой не только ходят его персонажи, но которая творит и питает души его героев. Потеряв "визуальную натуру" России, Святослав Рерих, до посещения Индии, ничем не мог ее заменить. Но образовавшийся вакум был с пользою заполнен им иной деятельностью и приобретением необходимого жизненного опыта. Святослав Николаевич принял самое активное участие в культурно-просветительной работе возникших по инициативе его отца учреждений. Молодому Рериху это послужило единственной в своем роде школой настоящей американской деловитости, в лучшем смысле этого понятия. Америка во многом помогла развитию организаторских способностей Святослава Николаевича, которые уже в ближайшие годы очень и очень понадобились для общего дела Рерихов. В их прекрасно слаженном сотрудничестве каждый член семьи чем-то дополнял друг друга. В силу сложившихся обстоятельств, именно на долю Святослава Николаевича часто выпадали "дипломатические миссии" по связям с различными официальными инстанциями. Четкость мысли, оперативность, умение разбираться в людях и оценках конъюнктур - всегда приводили к нужным результатам и делали Святослава Николаевича незаменимым помощником в организационных делах.

Пребывание в Америке для всех Рерихов оказалось не только полезным, но даже и необходимым. Тем не менее оно никогда не рассматривалось ими иначе, как времененным, и подготовка к переезду в Индию ни на миг не прекращалась. 21 июня 1922 года Николай Константинович в письме к В.Шибаеву упоминает: "Ведь здесь нам осталось одиннадцать месяцев". И, действительно, 8-го мая 1923 года Николай Константинович, Елена Ивановна и Святослав Николаевич, провожаемые многочисленными американскими друзьями, отбывают на пароходе из Нью-Йорка в Европу. Юрий Николаевич ждал их в Париже. Семья опять была в сборе и готова к путешествию в Азию. Но до отъезда нужно было еще закончить некоторые дела в Европе. Очень важно было установить и некоторые личные контакты в Европе, полезные для намеченной научной работы в Индии. В этих целях кроме Парижа, Рерихи побывали в Виши, Лионе, Риме, Флоренции, Болонье, Женеве. В августе, в Швейцарии Рерихов навестил В.А.Шибаев. Его поездка в Индию на этот раз была отменена, но он получил от Рериха ряд поручений и остался его доверенным лицом по европейским делам и связям с Россией. Прямая переписка из тогда еще

колониальной Индии с корреспондентами, находящимися в Советском Союзе, грозила крахом намеченной в Азии научное работе, поэтому первое время она велась через В.Шибаева, переехавшего на жительство в Ригу.

За несколько проведенных в Европе месяцев Святослав Николаевич мог ознакомиться с музеями и историческими памятниками "старого света", что имело для него большое значение. Ведь в дальнейшем история искусств также заняла далеко не последнее место в его творческой деятельности. По возможности восполнял он свои знания и в естественных науках - ботанике, орнитологии, минералогии. Все это было очень важным для участия в предстоящих научно-исследовательских экспедициях.

Надо сказать, что во всех отношениях семья Рерихов была теперь подготовлена к поездке в Азию много лучше, нежели в 1920 году в Лондоне, так что невольная отсрочка пошла на пользу и, как всегда у Рерихов, о потерянном времени не могло быть и речи. Юрий и Святослав успели получить образование и стать полноценными помощниками. Юрий в совершенстве овладел многими языками народов Азии, в том числе санскритом и пали, что давало возможность обходиться без перевозчиков не только в пути, но и на местах при изучении манускриптов на "мертвых" языках и древних памятников культуры. История философии Востока, религиозная мысль его народов, культура Азии, - все эти годы были предметом систематических занятий Елены Ивановны, Николая Константиновича и Святослава Николаевича. Громадное значение имело и то, что с востоковедами Америки и Европы и с прогрессивными представителями научных и культурных кругов Индии были наложены тесные контакты. Все это вселяло уверенность в том, что намеченная в Азии научно-исследовательская и художественная работа даст богатые плоды.

17 ноября 1923 года, из Марселя, на пароходе "Македония" Рерихи отбыли от берегов Европы и 30 ноября сошли в Бомбее на долгожданную землю Индии.